

ДОНСКОЙ СВЕРХТЕКСТ КАК ПРОБЛЕМА И ВЫЗОВ

Владимир Иванович Козлов

доктор филологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра креативного письма и культурных индустрий (ИСКРА Центр) Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

E-mail: vikozylov@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-8186-4131

Аннотация. Статья посвящена осмыслению возможности и условий формирования донского сверхтекста как особого типа регионального текста русской литературы и культуры. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, возросшим вниманием к региональной идентичности, культурному брендингу и креативным индустриям, с другой – недостаточной изученностью литературного и культурного наследия Дона. В современных условиях региональная культура все чаще рассматривается не только как объект сохранения, но и как ресурс социально-экономического развития, источник символического капитала территории, основа для создания культурных продуктов, институций и практик. В этом контексте постановка вопроса о донском сверхтексте приобретает не только филологическое, но и культурно-проектное значение. Цель статьи состоит в разграничении понятий «региональность в литературе» и «региональный текст», а также в определении исследовательских и организационных предпосылок, необходимых для обоснованного введения понятия «донской сверхтекст». Методологическую основу работы составляют подходы, разработанные в исследованиях локальных текстов русской литературы, культурной семиотики, регионалистики и литературного краеведения. Автор показывает, что региональный текст нельзя сводить к совокупности биографий писателей, локальных мотивов, краеведческих сведений или произведений, действие которых связано с определенной территорией. Региональный текст возникает на более высоком уровне культурной организации: он предполагает устойчивую систему образов, мотивов, сюжетов, мифологем и символов, посредством которых определенное пространство осмысливается как особая модель мира и человеческого существования. Предлагается классификация основных видов материала, формирующего поле региональности в литературе, что позволяет точнее определить границы исследовательского объекта и избежать декларативного отождествления любого локального культурного материала с региональным сверхтекстом. Устанавливается, что в литературной географии Юга России уже получили концептуальное оформление крымский, кавказский, черноморский и другие локальные тексты, тогда как Ростовская область и Краснодарский край пока не обладают сопоставимо разработанным литературным

позиционированием. Донской свертхтекст рассматривается в статье преимущественно как проективная исследовательская задача. Особое внимание уделено институциональным условиям его формирования, при котором донской свертхтекст выступает не только результатом филологической работы, но и инструментом осознанного культурного самоопределения региона.

Ключевые слова: донской свертхтекст, региональный текст, локальный свертхтекст, донская литература, креативные индустрии, литературное краеведение, региональная идентичность, брендинг территорий, культурные институции, Юг России

В 2025 г. мы готовили к публикации «Избранное» ростовского поэта Леонида Григорьяна (1928–2010)¹. Одним из итогов большой исследовательской и текстологической работы стало определение Григорьяна как «крупнейшего ростовского поэта второй половины XX века» [Григорьян]. Важность определения состояла в том, что ранее вакансия считалась не занятой, то есть со званием «крупнейшего ростовского поэта» никто не ассоциировался не только в восприятии ино-регионального литературного сообщества, но и в восприятии регионального. Строго говоря, это проблема для региона, претендующего занимать какое-либо значимое место на условной карте литературного процесса. Этот пример, несмотря на свою частность, на самом деле типовой: читающая публика многих российских регионов нередко недостаточно знает о том, кто из писателей и насколько значим для их регионов. Одной из возможных причин сложившейся ситуации может быть отсутствие необходимой специальной экспертизы, подкрепленной критической и исследовательской работой. Однако не везде сложились условия для того, чтобы подобная работа была проведена. Есть регионы, где мало популяризируются краеведческие исследования, где не сформировалось

представление о значимости такой популяризации. На этом фоне резко выделяются те территории, которые напротив – превратили краеведение и исследования в области региональной культуры в индустрию, а та в свою очередь стала значимым двигателем социально-экономического развития территорий (прежде всего, Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Пермь, Калининград). При чем сама идея, что культура может быть таким драйвером, в связи распространением, а затем определенной суверинизацией так называемой повестки устойчивого развития резко актуализировалась – настолько, что появились специализированные исследования реализации этой роли культурой уже на почве российских регионов [Российские региональные столицы]. Так повестка устойчивого развития региона подводит к переоценке роли культуры.

Другой фактор, способствующий переоценке, – появление в России документов стратегического планирования в сфере креативных (творческих) индустрий. Все регионы страны теперь занимаются их развитием: внедрением регионального стандарта развития креативных индустрий, проводят стратегические сессии, посвященные их будущему, формируют специализированную

¹ Григорьян, Л. Непрочное звено: избранное. Составитель и автор вступ. статьи В.И. Козлов. Ростов-на-Дону, Москва: Prosodia, ИСКРА Центр ЮФУ, 2025.

инфраструктуру, включающую школы, кластеры, специализированные центры, акселераторы, конкурсы и премии. Все это резко повысило спрос на «региональность» в области культуры. Культурное наследие региона стало в какой-то мере восприниматься как банк идей, каждая из которых потенциально могла бы лечь в основу нового креативного продукта.

По этой причине неудивительно, что интерес к региональным текстам или «локальным сверткам» [Меднис] – а еще раньше имел место замечательный термин «областные культурные гнезда» [Пиксанов], – стал явлением повсеместным.

Любой регион имеет свою культурную историю, в любом регионе есть неравнодушная общественность, которая озабочена тем, насколько привлекательна культурная среда региона и как ее сделать более привлекательной. Регионы начинают думать о своем позиционировании, о брендинге и продвижении территорий – и культура в создании новых проектов и даже продуктов участвует все больше, потому что оказывается, что в этой сфере накоплены традиции, на которые люди откликаются гораздо охотнее, чем на креативные слоганы, а потому изучение региональной культуры становится звеном в работе по выявлению перспективных направлений, на которых могут быть созданы новые точки притяжения в регион. При этом брендинг всегда содержит в себе эле-

мент проектирования – это значит, что он обращается не только к идентичности, связанной с прошлым, но и к идентичности, связанной с будущим. Разговор о том, за что мы, живущие в этом конкретном регионе, ценим и любим его, что нас объединяет, дополняется разговором о том, куда эти сформулированные и осознанные коллективные ценности нас ведут, как выглядит то будущее, к которому мы хотим осознанно идти. Как бы высокопарно это все ни звучало, но на региональных стратсессиях, которые стали за последние пятнадцать лет нормой, обсуждаются именно вопросы такого рода (см., например: [Козлов]). По сути, это вопросы, которые требуют не просто погруженности в реалии деловой жизни, а знания и понимания того, как формируется и эволюционирует культура. Региональность, таким образом, в некоторой степени оказывается величиной, проектируемой визионерами, или – другими словами – результатом творчества, создающего мифологию конкретного пространства.

В этом контексте мы не слишком преувеличим, если скажем, что плох тот регион, который не хотел бы найти свой региональный текст, поскольку найти его – означает во многом решить проблему поиска региональной идентичности и культурного позиционирования. Региональный текст в этом смысле – это не просто открытый региональный писатель, пусть даже и яркий, это собственно самобытное смысловое поле, регионального «лица

необщее выражение» – то есть в некотором смысле главный приз в борьбе территории за обретение культурной самобытности.

Проблема в том, что спрос на региональные тексты столь велик, что сама проблема существования конкретных региональных текстов как будто снимается. Для тех, кто продвигает региональную культуру, региональный текст существует уже потому, что он должен существовать. В целом эту логику можно понять. Любой аспект региональности в литературе при таком ракурсе будет заведомо восприниматься как региональный текст или выдаваться за него. Иными словами, региональный текст может быть результатом и содержанием деятельности по продвижению того или иного региона в сфере культуры и искусства. В таком случае он больше проектирует идентичность, чем извлекает ее в результате исследований. При таком подходе проблема регионального текста – это прежде всего проблема диалога и консенсуса между теми, кто готов формулировать ценности, образы будущего, вдохновляться ими, продвигать их.

Исследовательский подход к региональному тексту допускает ситуацию, в которой разрозненные региональные элементы не складываются в региональный текст. Исследовательский подход к региональному тексту, с одной стороны, требует реализации исследовательской повестки, с другой – требует различать региональность в литературе

и региональный текст, а также понимать границы между этими явлениями.

Так, к аспектам региональности в литературе можно отнести явления довольно разные. У нас получилось выделить одиннадцать видов материалов, работающих так или иначе на наполнение понятия «региональный текст»:

1. Биографии писателей, связанных с регионом рождением и / или длительным проживанием;
2. Фрагменты и эпизоды (назовем их «региональными») биографий писателей, основная деятельность и жизнь которых не связана с регионом;
3. Факты регионального литературного и общекультурного процесса: функционирование издательств, писательских сообществ и союзов, выход книг, критические отклики на них в региональной печати, иные литературные события;
4. Восприятие региона в записках путешественников, дневниках и воспоминаниях;
5. Исследования, посвященные различным аспектам региональной истории, урбанистики и культуры;
6. Региональный лексический компонент в литературных и нелитературных текстах как отражение региональной идентичности и шире – региональной картины мира [Дмитриева, Капустина: 176];
7. Элементы региональной мифологии, мифологемы, отраженные в произведениях художественной литературы [Тюпа];

8. Образы и мотивы, шире – семиотические структуры, связанные с историей, современностью и пространством региона, встречающиеся в творчестве региональных и инорегиональных писателей;

9. Сюжеты, драматургия или художественная мифология региональных и инорегиональных писателей, сформированная на почве образов и мотивов, связанных с историей и культурой региона.

10. Совокупность концептов, важных для понимания региональной культуры, которые складываются в своеобразный культурный код региона [Храпова: 102];

11. Материалы проектов, реализуемых с целью формирования продвижения бренда региона в сфере культуры.

Сформулированный список прежде всего показывает, насколько сложно и многообразно явление региональности в литературе. Эта сложность требует более четко определять материал, к которому обращается исследователь при выполнении задачи, связанной с изучением региональной литературы. За каждым из предложенных пунктов стоит материал, характерный именно для данного пункта: биографии или их эпизоды, мотивы или сюжеты, мифологемы или концепты, исследования или концепции проектов. В отдельных случаях материал может относиться сразу к нескольким пунктам, например, в проектах, продвигающих регион в культурной сфере, могут использоваться материалы всех остальных

категорий. Но все-таки этот пункт стоит выделять, поскольку он описывает материалы проективного характера, которые не попадают больше ни на одну из «полочек».

Наблюдения за тем, каким материалом наполняются разного рода региональные тексты, позволяют сделать вывод о том, что они представляют собой столь же разнородные явления, сколь и сама региональность. Так, воронежский текст фокусируется в существенной степени на событиях и архивации регионального культурного процесса [Воронежский текст]. Уральский текст прорабатывает сюжеты региональной мифологии и истории. Петербургский текст, «неотделимый от мифа и всей сферы символического» [Топоров: 7], работает уже с культурной мифологией. Московский текст – это любые разыскания в области истории и культуры Москвы [Лотмановский сборник]. Крымский текст в основном работает с лейтмотивами поэтических произведений и сюжетом о крещении Руси. Сибирский текст – с восприятием региона путешественниками. Пермский текст претендует на всеохватность [Абашев].

Несмотря на то, что в каждом регионе есть материал для изучения региональных аспектов литературы и культуры, под региональным текстом хочется понимать определенный уровень зрелости региональной культуры, когда она помимо мотивов и образов, отсылающих к пространству и истории определенного места, порождает специфические сюжеты,

мифы, символы. Региональным текстом, на наш взгляд, может считаться не любая региональность, а только та, которая оформляется в сюжетику и мифологию существования человека в мире. И в этом смысле заявительный характер региональных текстов проблематичен. Если региональный аспект литературы, как правило, не нуждается в доказательствах своего существования, он всегда представлен в большем или меньшем объеме, то наличие феномена регионального текста нуждается в серьезном исследовательском обосновании.

Юг России представлен уже целым рядом региональных текстов – крымским [Крымский текст; Михайлова], черноморским [Замятин], кавказским [Зубцова], астраханским [Астраханский текст]. Есть исследования по «степному тексту» русской литературы [Сторожева]. Следов кубанского текста не просматривается, хотя история литературы Кубани и традиции кубанского казачества – существенный пласт литературы. Понятия «донской текст» при обилии исследований, связанных с донским казачеством, тоже не существует. Более того, эпитет «донской» означает часто «казачий», «связанный с донскими казаками», то есть он во многом превратился в этнографический эпитет, что мешает описывать явления, выходящие за рамки сугубо казачьей культуры. С севера Ростовская область «граничит» с воронежским текстом [Воронежский текст]. Примечательно, что с легкой руки Виктора Шкловского понятие «южно-

русской школы» русской литературы закрепилось за Одессой [Шкловский: 475] – правда, там в ходу и другие термины: «Юго-Западная школа», «Одесская литературная школа», «одесский текст» [Кудрин]. Очевидно и то, что Донбасс – территория, которая активно присутствует в литературе, хотя в понятие локального текста это присутствие не оформлено. Волгоград в литературе представлен темой Сталинграда, «волгоградского текста» также мы не находим. Итого: как минимум два центральных и по положению, и по значимости для Юга России региона – Краснодарский край и Ростовская область – не имеют на сегодняшний день своего регионального позиционирования в литературе. По этой причине появление в виде намерения термина «донской сверхтекст» логично и своевременное. Тем более, что уже сформировался подход к русской литературе в целом как к «системе локальных текстов» [Люсый], однако на данный момент в системе есть явные пробелы.

Примечательно, что современные ростовские писательницы Марина Чуфистова и Анна Чухлебова в своей прозе и на встречах с читателями развивают концепт «русской южной готики», отсылающей к американской традиции «южной готики». Это, конечно, пример проектирования культурного феномена, связанного с регионом. Примеры проектирования регионального текста встречаются и в других регионах – так, возникая в Иркутске литературная премия «Присутствие»

с самого начала заявила не только тему поддержки сибирских авторов, но и тему разработки сибирского текста. Региональный текст в этом смысле ассоциируется с продуктивной средой, объединяющей и помогающей деятелям культуры.

Здесь невозможно не вспомнить о координате «центр-периферия» внутри литературной географии. По состоянию проработанности и насыщенности регионального текста мы вполне можем определять положение региона на этой шкале. Избегая термина «провинция», за которым закрепилась негативная оценочность, мы все равно будем вынуждены признать, что чем ближе конкретный локальный свертхтекст на этой шкале к полюсу периферии, тем более остро будет проявлять себя сама проблема регионального текста.

Развитое культурное пространство измеряется прежде всего количеством и качеством институций, работающих в сфере культуры и искусства. К ним можно отнести издательства, премии, библиотеки, университеты, сетевые и независимые книжные магазины, журналы, читательские клубы, дома культуры, фестивали, медиа, местных писателей, критиков, журналистов, исследователей, творческие объединения – как официальные, так и неофициальные. Разницу между центром и периферией описать довольно просто – в центре все эти институции есть, они представлены в избытке, там каждый вечер проходит множество мероприятий, между кото-

рыми можно выбирать, уже это создает среду для творческой реализации и саморазвития в культурной сфере. А на периферии почти всего этого может не быть – и очень часто это так и есть. Как итог – отсутствие среды. А потому создание в регионе среды, регионального текста и контекста – это в действительности вызов для очень многих территорий. Думается, что Ростов-на-Дону в этом смысле не исключение.

Особенность работы с региональным текстом на периферии – это не просто обобщение наработанного историей и культурой материала, как это во многом было, например, с петербургским текстом. Работа с региональным текстом на периферии требует организаторской работы – создания институций, чье функционирование и будет движением по направлению к региональному тексту. И если думать о том, каким могло бы быть такое движение, прежде всего представляется необходимой программа системных исследований самой донской региональности. Если пройти по предложенным нами пунктам региональности в литературе, обнаружится, что есть пробелы в изучении донской литературы. Региональный литературный процесс не описан, изучение биографий за пределами фигур М. Шолохова, В. Закруткина, А. Калинина на начальном уровне, сборников письменных впечатлений путешественников о Ростове встречать не приходилось. Недавно была издана работа С. Медведева, посвященная по-

этам, в биографии которых эпизодически встречается Ростов-на-Дону [Медведев], однако это только первые шаги по выявлению таких эпизодов. Безусловно, есть и достижения – например, подготовленный в Ростовском госуниверситете словарь донских говоров (вышел еще в середине 1970-х), колоссальный проект «Шолоховской энциклопедии», вышедшей в 2012 г. Есть краеведы и региональные писатели, которые оставили воспоминания о донских писателях (например, Н. Скребов, В. Котовсков). Есть многотомная «Энциклопедия Ростова-на-Дону и Нахичевани», подготовленная писателем В.Н. Сидоровым, и краеведческие работы В.В. Смирнова. Можно порадоваться и переизданиям прозы Виталия Сёмина крупными издательствами уже в постсоветский период.

И тем не менее, говорить о донском сверхтексте в ситуации, когда большая часть пунктов собственно региональности требует изучения и значительного углубления, можно пока только в проективном ключе. На самом деле сама идея донского сверхтекста может мотивировать, как мотивирует, например, идея вывода собственной идентичности на какой-то новый и безусловно желанный уровень.

Сам объем понятия «региональная донская литература» нуждается в обновлении, расширении списка имен. Последние по времени сборники произведений донских писателей и учебные пособия по литературе Дона выходили еще в советское время, они до сих пор

отражают преимущественно советский подход к литературе и отбору имен – другого за последние тридцать пять постсоветских лет не выработано. Отчасти по этой причине, но и по причине общего сокращения часов, выделяемых в университетских образовательных программах на словесность, региональная литература как предмет довольно давно ушла из университетских аудиторий. А это значит, что по этим темам очень редко защищаются дипломы и диссертации – воспроизводство специалистов в этой области остановилось. Сегодня, когда по причинам, описанным выше, возвращается интерес к региональности и ставится вопрос о «донском сверхтексте», региону стоило бы увидеть, насколько он не готов пока к новым вызовам, не готов к конкуренции с существующими в России «локальными сверхтекстами». К этой проблеме стоило бы отнестись трезво – чтобы начать ее решать.

Например, первое, что очень нужно региональной литературе, – чтобы ее прочитали заново. Прочитали все, что было написано, затем на новых принципах выделили то, что должен знать каждый, кто интересуется региональной литературой. Далее это все нужно было бы прокомментировать и издать, а для этого – найти наследников, заинтересовать издательства, обеспечить снабжение региональных библиотек. Затем стоило бы обновить программы по региональному компоненту для школьных учителей, разработать методические рекомендации к подготовке уроков. Дальше можно браться

за конкурсы читателей, регулярные научные конференции для студентов и исследователей, за обновленные университетские курсы, за исследовательские проекты, связанные с любой из перечисленных составляющих региональности. Потом можно будет ставить вопрос о подготовке истории донской литературы – а ведь у многих регионов такие книги давно есть и в разных вариантах. Например, «История литературы Урала. XIX век» – это двухтомник в 1440 страниц увеличенного формата, над которым работали 60 ученых. А есть еще тома, посвященные XIV–XVIII и XX векам...

Донской литературе на сегодняшнем этапе нужны институции, которые могли бы системно выполнять такую работу. Исследовательская группа вполне может быть полноценной институцией. Донской свертхтекст – это то, что в идеале станет результатом ее работы.

Литература

Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.

«Астраханский текст» в русской литературе: учебное пособие. / сост. А.А. Боровская, Д.М. Бычков, Л.Ю. Касьянова. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2019.

Воронежский текст русской культуры: литературная критика, театральное рецензирование, литературно-критические журналы. Сборник трудов конференции / отв. ред. Т.А. Никонова. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023.

Григорьян, Л. Непрочное звено: избранное / составитель и автор вступ. статьи В.И. Козлов. Ростов-на-Дону, Москва: Prosodia, ИСКРА Центр ЮФУ, 2025.

Дмитриева, Е.Г., Капустина, В.А. Региональный текст: в поиске критериев определения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2025. Т. 24. № 5. С. 175–182.

Замятин, Д.Н. Черноморский текст русской литературы: геокультуры, сопостранственность и географическое воображение // Географическая среда и живые системы. 2023. №2. С. 47–57. DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-47-57

Зубцова, Ю.О. Кавказский текст в литературе нового века // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 122–126.

Калмыкова, В.В. Одесский текст русской литературы (к постановке проблемы) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 6. С. 84–96.

Козлов, В. 15 пунктов для дорожной карты развития культурных индустрий на Юге России // «Эксперт Юг». 2022. №3–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://expertsouth.ru/articles/15-punktov-dlya-dorozhnoy-karty-razvitiya-kulturnykh-industriy-na-yuge-rossii/> (дата обращения: 08.08.2026).

Крымский текст в русской культуре: мат-лы междун. конф. / под ред. Н. Букс, М.Н. Виротайнен. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008.

Кудрин, О.В. Уроки одесской школы и гребни одесской волны // Вопросы литературы. 2012. №3. С. 9–64.

Лотмановский сборник. Т. 2 / под ред. Е.В. Пермякова. М.: Изд-во РГГУ, Изд-во «ИЦ-Гарант», 1997.

Люсый, А.П. Русская литература как система локальных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017.

Медведев, С.А. «Выслушайте меня»: 19 поэтов из Ростова и окрестностей. Ростов-на-Дону: Prosodia, 2024.

Меднис, Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2003.

Михайлова, А.К. Крымский текст в русской культуре XVIII–XX веков // Русская литература. 2007. № 2. С. 232–240.

Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. Москва, Ленинград: Государственное издательство, 1928.

Российские региональные столицы: развитие, основанное на культуре. Сборник статей / под ред. О. Карповой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2023.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010.

Сторожева, А.А. Эволюция степного текста в русской литературе XI – XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2024.

Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: «Искусство–СПБ», 2003.

Тюпа, В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Храпова, В.А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства // Logos et Praxis. Т. 18. № 4. 2019. С. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.12>

Шкловский, В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990.

References

Abashev, V.V. (2000). *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Perm State University Press.

Anisimov, K.V. (Ed.). (2010). *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve: kolektivnaya monografiya* [The Siberian text in the national narrative space: collective monograph]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.

Borovskaya, A.A., Bychkov, D.M., & Kasyanova, L.Yu. (Eds.). (2019). *Astrakhanskiy tekst v russkoy literature* [The Astrakhan text in Russian literature]. Astrakhan: Astrakhan State University.

Buks, N., & Virolaynen, M.N. (Eds.). (2008). *Krymskiy tekst v russkoy kul'ture: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [The Crimean text in Russian culture: proceedings of the international conference]. Saint Petersburg: Pushkin House Press.

Dmitriyeva, E.G., & Kapustina, V.A. (2025). Regional'nyy tekst: v poiske kriteriyev opredeleniya [Regional text: in search of definition criteria]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 24(5), 175–182.

Grigor'yan, L. (2025). *Neprochnoye zveno: izbrannoye* [The fragile link: selected works] (V.I. Kozlov, Ed.). Rostov-on-Don; Moscow: Prosodia; ISKRA Centre of Southern Federal University.

Kalmykova, V.V. (2014). Odesskiy tekst russkoy literatury (k postanovke problemy) [The Odessa text of Russian literature: setting the problem]. *Filologicheskiye Nauki. Nauchnyye Doklady Vysshey Shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 6, 84–96.

Karpova, O. (Ed.). (2023). *Rossiyskiye regional'nyye stolitsy: razvitiye, osnovannoye na kul'ture. Sbornik statey* [Russian regional capitals: culture-based development. Collection of articles]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg; Shaninka.

Khrapova, V.A. (2019). Regional'nyy tekst kak faktor organizatsii sovremennogo sotsial'nogo prostranstva [Regional text as a factor in organizing contemporary social space]. *Logos et Praxis*, 18(4), 102–107. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.12>

Kozlov, V.I. (2022). 15 punktov dlya dorozhnoy karty razvitiya kul'turnykh industriy na Yuge Rossii [15 points for a roadmap for the development of cultural industries in Southern Russia]. *Ekspert Yug* [Expert South], 3–4. Retrieved from <https://>

expertsouth.ru/articles/15-punktov-dlya-dorozhnoy-karty-razvitiya-kulturnykh-industriy-na-yuge-rossii/ (date of access: 08.08.2026).

Kudrin, O.V. (2012). Uroki odesskoy shkoly i grebni odesskoy volny [Lessons of the Odessa school and crests of the Odessa wave]. *Voprosy Literatury* [Questions of Literature], 3, 9–64.

Lyusyy, A.P. (2017). *Russkaya literatura kak sistema lokal'nykh tekstov* [Russian literature as a system of local texts] (Doctoral Dissertation, Vologda, Vologda State University).

Mednis, N.E. (2003). *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Medvedev, S.A. (2024). “Vyslushayte menya”: 19 poetov iz Rostova i okrestnostey [“Listen to me”: 19 poets from Rostov and its surroundings]. Rostov-on-Don: Prosodia.

Mikhaylova, A.K. (2007). Krymskiy tekst v russkoy kul'ture XVIII–XX vekov [The Crimean text in Russian culture of the 18th–20th centuries]. *Russkaya Literatura* [Russian Literature], 2, 232–240.

Nikonova, T.A. (Ed.). (2023). *Voronezhskiy tekst russkoy kul'tury: literaturnaya kritika, teatral'noye retsenzirovaniye, literaturno-kriticheskiye zhurnaly. Sbornik trudov konferentsii* [The Voronezh text of Russian culture: literary criticism, theatre reviews, literary-critical journals. Conference proceedings]. Voronezh: Voronezh State University Publishing House.

Permyakov, E.V. (Ed.). (1997). *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman collection] (Vol. 2). Moscow:

Russian State University for the Humanities Press; ITs-Garant Press.

Piksanov, N.K. (1928). *Oblastnyye kul'turnyye gnezda. Istoriko-kraevedcheskiy seminar* [Regional cultural nests. Historical and local-history seminar]. Moscow; Leningrad: State Publishing House.

Shklovskiy, V.B. (1990). *Gamburgskiy schet: stat'i – vospominaniya – esse (1914–1933)* [Hamburg score: articles, memoirs, essays (1914–1933)]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Storozheva, A.A. (2024). *Evolutsiya stepnogo teksta v russkoy literature XI–XIX vv.* [Evolution of the steppe text in Russian literature from the 11th to the 19th centuries] (Candidate Dissertation, Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala).

Toporov, V.N. (2003). *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannyye trudy* [The Petersburg text of Russian literature: selected works]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB.

Tyupa, V.I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The mythologeme of Siberia: on the question of the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskiy Filologicheskiy Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 27–35.

Zamyatin, D.N. (2023). Chernomorskiy tekst russkoy literatury: geokul'tury, soprostranstvennost' i geograficheskoye voobrazheniye [The Black Sea text of Russian literature: geocultures, co-spatiality and geographical imagination]. *Geograficheskaya Sreda i Zhivyye Sistemy* [Geographical Environment and Living Systems], 2, 47–57. <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2023-2-47-57>

Zubtsova, Yu.O. (2018). Kavkazskiy tekst v literature novogo veka [The Caucasian text in the literature of the new century]. *Russkiy Yazyk i Mezhekul'turnaya Kommunikatsiya* [Russian Language and Intercultural Communication], 1, 122–126.

Для цитирования: Козлов, В.И. Донской сверхтекст как проблема и вызов // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. №11 (2). С. 49–62. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-49-62

For citation: Kozlov, V.I. The Don supertext as a problem and a challenge. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 2026, 11 (2), 49–62. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-49-62

THE DON SUPertext AS A PROBLEM AND A CHALLENGE

Vladimir I. Kozlov, DSc in Philology, Chief Researcher, Head of the Center for Creative Writing and Cultural Industries (ISKRA Center) at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: vikozev@sfeou.ru

Abstract. This article explores the potential and conditions for the formation of the Don supertext as a specific type of regional text in Russian literature and culture. The relevance of this research is driven, on the one hand, by growing attention to regional identity, cultural branding and the creative industries, and on the other hand, the under-researched nature of the Don's literary and cultural heritage. In the contemporary context, regional culture is increasingly viewed not only as an object of preservation, but also as a resource for socio-economic development, a source of territorial symbolic capital, and a foundation for creating cultural products, institutions, and practices. In this context, the concept of the Don supertext acquires not only philological, but also cultural and project-oriented significance. The purpose of this article is to distinguish between the concepts of "regionality in literature" and "regional text", as well as to identify the research and organizational prerequisites necessary for the substantiated introduction of the concept of the "Don supertext". The methodological basis of the study draws on approaches developed in the research of local texts in Russian literature, cultural semiotics, regionalism and literary local history. The author demonstrates that a regional text cannot be reduced to a mere collection of writers' biographies, local motifs, local historical data, or works whose action is set in a particular territory. A regional text emerges at a higher level of cultural organization: it entails a stable system of images, motifs, plots, mythologies, and symbols through which a specific space is interpreted as a unique model of the world and human existence. A classification of the main types of material that form the field of regionality in literature is proposed. This makes it possible to more accurately define the boundaries of the research object and avoid the superficial identification of any local cultural material with a regional supertext.

Key words: Don supertext, regional text, local supertext, Don literature, creative industries, literary local history, regional identity, branding of territories, cultural institutions, South of Russia

